
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМЬИ И БРАКА: ТЕОРИЯ И ЭМПИРИЯ (Реферативный обзор)

1. BIRD SH., CAST A. Participation in household and paid labor: Effects on perceptions of role-taking ability // Soc. psych. quart. – Wash., 2005. – Vol. 68, N 2. – P. 143–159.
2. CARR D. «My daughter has a career; I just raised babies»: The psychological consequences of women's intergenerational social comparisons // Soc. psych. quart. – Wash., 2004. – Vol. 67, N 2. – P. 132–154.
3. FOX B. The formative years: How parenthood creates gender // Canadian rew. of sociology a. anthropology. – Toronto, 2001. – Vol. 38, N 4. – P. 30–42.
4. KING V., SCOTT M. A comparison of cohabiting relationships among older and younger adults // J. of marriage a. family. – Minneapolis, 2005. – Vol. 67, N 2 – P. 7–28.
5. MARCUSSEN K. Explaining differences in mental health between married and cohabiting individuals // Soc. psych. quart. – Wash., 2005. – Vol. 68, N 3 – P. 239–257.
6. STETS Y., BURKE P. Identity verification, control and aggression in marriage // Soc. psych. quart. – Wash., 2005. – Vol. 68, N 2. – P. 160–178.

В 2004–2005 гг. в международном журнале «Social Psychology Quarterly» была опубликована серия статей, посвященных браку как социально-психологическому феномену. Эти публикации строились по известному алгоритму, принятому в социально-психологических исследованиях подобного рода: выявление проблемы, выдвижение

оригинальных гипотез с учетом уже имеющихся в литературе базовых концептуальных положений, сбор эмпирического материала, его анализ, обсуждение результатов, предварительные выводы. Авторы статей этой серии, включенной в настоящий реферат (Ш. Берд и А. Каст, Я. Стетс и П. Берк, К. Маркуссен, Д. Карр), представляют американскую социальную психологию так называемой социологической ориентации; эмпирической базой их работы служат статистические данные и результаты лонгитюдных исследований семьи и брака в США в рамках Общенационального проекта (1987–1988 и 1992–1994 гг.), а также материалы, собранные в ходе собственной эмпирической работы (письменные опросы и интервью, беседы, дневниковые записи), преимущественно среди жителей штата Вашингтон. Помимо общей методологической ориентации на социологию (а не психологию) в качестве «ведущей» дисциплины перечисленные статьи объединяет стремление обозначить новые, нетривиальные аспекты супружества в стадии становления (первый-второй годы совместной жизни молодых пар без детей; первый брак), а также найти точки пересечения микро- и макросоциальных процессов в браке, проследив характер влияния внутренних отношений на общество в целом.

Статьи американских социологов В. Кинг и М. Скотт, а также канадки Б. Фокс включены в данный обзор по той причине, что затронутые в них проблемы являются (независимо от намерений авторов) продолжением или развитием гипотез и теоретических прогнозов, сформулированных в серии публикаций журнала «Social Psychology Quarterly». В целом настоящая подборка материалов, посвященных семейно-брачным отношениям в их социально-психологическом измерении, позволяет судить о степени актуальности этой проблематики для современной англоязычной социальной психологии и дает представление о некоторых направлениях ее развития в качестве эмпирической науки.

Ян Стетс и Питер Берк (Калифорнийский университет, Риверсайд) анализируют процесс верификации (подтверждения) идентичности как один из индикаторов устойчивости брака, а также роль агрессивного поведения как компенсаторного средства в нестабильных супружеских отношениях, нарушающих ощущение контроля над внешним миром у одного из партнеров (6). В поле их зрения находятся следующие социально-психологические аспекты супружества: подтверждение / неподтверждение адекватной идентичности каждого из брачных партнеров в ходе их взаимоотношений; баланс /

дисбаланс личной идентичности супруга как отражение адекватных его внутреннему Я реакций партнера; контроль / потеря контроля над ситуацией в случае недостаточного подтверждения идентичности в браке; агрессия как способ восстановления контроля и утверждения своей исходной идентичности за счет дестабилизации супружеских отношений.

Авторы выстраивают свои гипотезы, руководствуясь общей теорией контроля идентичности (ТКИ), которая, в свою очередь, опирается на традиционную для социологической социальной психологии концепцию «зеркального Я» (индивидуальная идентичность как отражение реакций и оценок значимых других; совпадение / расхождение социальных значений и оценок своей личности с внутренними представлениями о своем подлинном Я). В процессе непрерывного мониторинга реакций значимых других (куда, разумеется, относятся супруг / супруга) на собственную идентичность индивид вырабатывает ту или иную самооценку и чувство «эффективности своего Я». Несовпадение реакций извне с выработанным индивидом представлением о себе чревато потерей чувства контроля над ситуацией, эмоциональным взрывом и поступками, направленными на восстановление социально-психологического баланса внешнего и внутреннего – любой ценой. На этом фоне, пишут психологи из Калифорнии, становится очевидным, что «недостаток верификации идентичности со стороны партнера по браку подрывает взаимную эмоциональную привязанность супругов, разрушает ощущение единства и приводит к краху супружеского союза» (6, с. 160).

Стетс и Берк предлагают расширить рамки сложившейся концепции верификации идентичности, дополнив ее двумя новыми аспектами; это: а) контроль (чувство контроля) над внешним миром как средство подтверждения исходной идентичности индивида и б) агрессия как способ компенсации недостаточного контроля. «Дефицит подтверждения идентичности, – утверждают авторы, – угрожает не только уже состоявшимся значениям внутреннего Я, но также чувству “владения ситуацией”, т.е. ощущению контроля над внешним миром» (там же). На этом фоне верификация подлинного Я оказывается двухступенчатым процессом: недостаток верификации ведет к попытке ужесточить внешний контроль, недостаток контроля чреват агрессией в надежде восстановить должный уровень владения ситуацией. Применительно к супружеским отношениям сказанное означает, что агрессия не является прямым следствием

неподтвержденной идентичности одного из супругов; она опосредована ощущением утраты контроля над внешним миром и попытками восстановить *status quo* посредством (насильственного) принуждения брачного партнера к такому поведению, которое подтверждит сложившуюся личную идентичность «пострадавшего».

Согласно ТКИ, люди стремятся устанавливать и поддерживать такие ситуации и отношения, в которых их идентичность легко поддается верификации. Рассмотренное под этим углом зрения, супружество оказывается одним из вариантов устойчивого контекста подтверждения идентичности каждого из брачных партнеров. В тех случаях, когда исходная идентичность кого-либо из супругов не находит подтверждения в ответных реакциях другого, он теряет чувство самоэффективности и испытывает дефицит внешнего контроля. Следствием этого дисбаланса становится ужесточение контроля над партнером и стремление показать, «кто в доме хозяин». Говоря о контроле и агрессии как о социально-психологических параметрах супружества, авторы полагают, что речь идет, во-первых, только об одностороннем и негативном по своему воздействию контроле (т.е. о том, как один из партнеров принуждает другого к действиям, которые тому не по душе); во-вторых, – о так называемом бытовом (ситуативном) супружеском насилии, которое не угрожает здоровью и жизни партнера (в отличие от домашнего насилия как пункта полицейских сводок и криминальных отчетов).

Этот нюанс, по мнению Стетса и Берка, как раз и отличает социально-психологическое понимание супружества – как арены межличностных отношений – от социологии брака и криминального анализа; более того, осмысление ситуативной супружеской агрессии как опосредованного отражения не нашедшей подтверждения в браке личной идентичности одного из партнеров позволяет разрабатывать терапевтические стратегии, которые предотвращают перерастание агрессивного поведения в криминальный тип насилия, угрожающий стабильности социального целого.

Авторы формулируют следующие гипотезы, которые подлежат эмпирической проверке:

- 1) верификация идентичности повышает уверенность в себе как личности (Я-эффективность);
- 2) верификация идентичности снижает уровень контроля над партнером по браку;

- 3) снижение уровня Я-эффективности увеличивает степень контроля над партнером;
- 4) контроль над супругом (стремление подчинить своей воле, заставить «плясать под свою дудку») повышает уровень агрессии в семейном союзе;
- 5) агрессия снижает совокупную верификацию идентичности в браке на протяжении года, следующего за ее постоянным использованием (в качестве средства восстановления контроля над ситуацией и чувства Я-эффективности).

Материалом для проверки выдвинутых гипотез послужили данные долгосрочного исследования динамики супружеских ролей в первые два года брака (1991–1992гг., штат Вашингтон). В опросах участвовали 574 пары старше 18 лет, состоявшие в первом браке и не имевшие детей. Стетс и Берк считают данную выборку репрезентативной для США в целом (средний возраст молодоженов, впервые вступивших в брак, – 25 лет, образование не ниже колледжа, 86% – белые, 3% – афроамериканцы, остальные – представители иных национальных меньшинств). Респондентам было предложено 90-минутное интервью face-to-face; они также представили дневниковые записи (1 неделя записей – 10 недель перерыв) и участвовали в 15-минутной видеозаписи диалогов, касавшихся проблем ролевой идентичности каждого из супружеских. Мужья и жены рассматривались как обособленные группы респондентов. Ролевая идентичность супружеских анализировалась в трех измерениях: инструментальном (кто ходит в магазин, убирает дом, готовит пищу, занимается ремонтом), экспрессивно-эмоциональном (кто поддерживает контакты с родственниками, является инициатором сексуального общения) и экономическом (кто является основным «до-бытчиком» в семье до рождения детей). Ролевая активность, отвечающая стандартам идентичности каждого из супружеских, рассматривалась преимущественно не в виде поведенческих актов и конкретных действий, а в качестве представлений о том, как должен вести себя каждый применительно к тому или иному виду деятельности. Таким образом можно было проследить степень соответствия внутренних стандартов идентичности (как *следует* поступать мужу / жене) и ролевых ожиданий каждого из партнеров в отношении друг друга. Другими словами, ролевая идентичность – в полном соответствии с традицией символического интеракци-

низма – рассматривалась как динамический, но относительно устойчивый набор значений.

В эмпирическом анализе Стетса и Берка измерению подлежали следующие социально-психологические аспекты супружества как арены межличностных отношений: верификация идентичности (степень близости / расхождения стандарта и реальной практики супружеской жизни); Я-эффективность («я неправляюсь с ситуацией», «я могу решить эту проблему не хуже других»); контроль («я могу заставить его / ее делать, как я хочу», «я придерживаюсь некоторых правил в отношениях с супругом/супругой»); агрессия («я никогда – часто – чаще п-числа раз в году кидаю в него / нее вещи, бью посуду, кусаюсь, угрожаю кухонным ножом»).

Итоговый анализ подтвердил в целом гипотезы авторов относительно опосредованной роли бытовой агрессии и контроля над супругом в тех случаях, когда идентичность одного из партнеров по браку не находит должного подтверждения. Неожиданностью оказалось некоторое различие в уровне и «качестве» мужской и женской агрессии в браке: женщины чаще, чем мужчины, прибегали к ней на второй год брака. По мнению Стетса и Берка, это означает, что менее опасное (вследствие их анатомических параметров) агрессивное поведение женщин оценивается ими как эффективный способ «овладеть ситуацией» и «поставить на своем», тогда как мужчины на второй год супружества склонны ужесточать контроль в браке иными способами. Разгулу «женской агрессии» способствует также социальный стереотип, рисующий жену в качестве жертвы криминального мужа.

В заключение калифорнийские психологи формулируют два основных вывода, касающихся социальной психологии брака. Во-первых, для адекватного понимания бытового насилия в контексте межличностных отношений супружеское необходимо учитывать социально-психологические измерения агрессивного поведения, в частности, тот факт, что агрессия является косвенным (опосредованным) проявлением недостаточной подтверждённости личной идентичности в браке. Во-вторых, дефицит верификации идентичности в контексте супружеских отношений, провоцирующий попытки восстановления контроля (в том числе – путем бытового насилия), порождает более серьезные проблемы на уровне общества в целом.

Кристин Маркуссен (Кентский университет, Огайо) обращается к теме душевного здоровья людей, состоящих соответственно

в официальном или гражданском браке (5). Общепринятый вывод социологов и демографов, так или иначе затрагивавших эту проблему, сводится к тому, что официальный брачный союз более благоприятен для адекватного психологического самочувствия партнеров, чем сожительство вне брака. Не оспаривая этого тезиса, который подкреплен многочисленными эмпирическими данными, автор предлагает более детально проанализировать собственно социально-психологические факторы, обуславливающие преимущества брака перед свободными отношениями с точки зрения «ментального благополучия партнеров».

Такой анализ представляется тем более необходимым, что результаты эмпирических исследований, которые сегодня имеются в распоряжении социальных аналитиков, не вполне согласуются друг с другом. Так, в работах К. Росс показано, что партнеры, не оформлявшие свои отношения, склонны к депрессии не менее, но и не более, чем законные супруги. Между тем А. Горовиц и Х. Уайт обнаружили, что по этому признаку состоящие в гражданском браке находятся «между» официальными супружескими парами и одинокими людьми.

Кроме нестыковки эмпирических данных, Маркуссен обращает внимание на методологические расхождения аналитиков, обращавшихся к этой теме. Социологи, экономисты и демографы ставят во главу угла социально-экономические и демографические параметры брачных и внебрачных союзов, хотя и признают роль социально-психологических факторов, создающих «атмосферу» близких межличностных отношений. Однако в социально-психологической литературе накоплен обширный материал, касающийся действия психологических защитных ресурсов (социальная поддержка, самооценка, ощущение владения ситуацией и т.п.). Этот материал, считает автор, может существенно помочь в осмыслении специфики душевного здоровья и психологического благополучия партнеров, состоящих и не состоящих в официальном браке. В этой связи Маркуссен предпринимает попытку объединить в рамках целостного исследовательского проекта социоэкономические, демографические и психологические аспекты брака и внебрачного партнерства.

В данной статье Маркуссен ставит две задачи: 1) дополнить анализ экономических, демографических и социальных характеристик брака осмыслением психологических защитных ресурсов партнеров, состоящих в официальных и незарегистрированных

союзах, а также сопоставить степень их эмоциональной вовлеченности в союз и представления о его «справедливости»; 2) рассмотреть (в первом приближении) вопрос о том, в какой мере брачный статус детерминирует душевное здоровье индивидов, принимая во внимание тот факт, что выбор в пользу официального либо неофициального союза может также оказаться следствием исходного душевного благополучия / неблагополучия субъектов выбора.

Опираясь на эмпирические данные и предварительные выводы социологов и демографов, Маркуссен выдвигает ряд гипотез относительно факторов, которые могут избирательно влиять на душевное здоровье супружей и партнеров, ограничившихся гражданским браком. При этом в ее собственном исследовании значимыми оказываются два индикатора психологического благополучия личности – склонность к депрессивным состояниям и алкоголизму. Две первые гипотезы автора связаны с социоэкономическим статусом партнеров. В литературе четко фиксируется более высокий уровень доходов и образования, характерный для тех, кто предпочел брак свободному союзу. На этом фоне Маркуссен считает возможным предположить, что более высокий социоэкономический статус супружей обуславливает их меньшую склонность к алкоголизму и депрессии – по сравнению с партнерами, состоящими в гражданском браке.

Следующая пара гипотез касается степени социоструктурной и эмоциональной поддержки, на которую могут рассчитывать супруги и сторонники неофициального союза, а также связи социальных ролей (супруг / внебрачный партнер) с психологическими защитными механизмами личности. Несмотря на очевидную тенденцию современного западного общества к увеличению числа гражданских браков (и, как следствие, к повышению степени социальной толерантности в отношении партнеров, не состоящих в официальном браке), роль супруга продолжает оставаться в глазах общества более значимой и обеспечивает весомую социоструктурную поддержку ее носителю, замечает Маркуссен. Кроме того, как свидетельствуют эмпирические данные, супруги могут рассчитывать на более стабильную взаимную эмоциональную поддержку, чем сожительствующие вне брака. Наконец, брак как нормативный социальный институт предоставляет его субъектам более устойчивый и социально привлекательный статус и тем самым повышает их самооценку. Другими словами, брак привносит смысл и значе-

ние в психологическую Я-концепцию личности, а значит – «не только эмоционально привязывает индивидов друг к другу, но и обеспечивает эффективность личностных защитных механизмов» (5, с. 241). Поэтому можно предположить, пишет автор, что более высокая степень развития защитных психологических ресурсов в браке снижает склонность к депрессии и алкоголизму.

Третья группа гипотез Маркуссен относится к степени удовлетворенности отношениями и представлениям об их «справедливости». Общий вывод социологов состоит в том, что брак приносит партнерам большую эмоциональную удовлетворенность, чем неофициальные отношения. Социально-психологическая теория социального обмена, и в частности понятие его «справедливости» (равноправия сторон), позволяет более глубоко проникнуть в специфику самых близких межличностных отношений. Под справедливостью отношений здесь имеется в виду пропорциональность эмоционально-психологического вклада и отдачи каждого из участников интеракции. Как свидетельствуют исследования, люди, не состоящие в браке вообще (ни в какой его форме), обладают большим душевным равновесием, чем те официальные супруги, которые считают свой союз «несправедливым». Однако состоящие в гражданском браке все же имеют больше оснований сетовать на «несправедливость» партнера, чем супруги; кроме того, они чаще допускают возможность разрыва настоящих отношений и более склонны к поиску «альтернативы», чем те, кто зарегистрировал свой брак. В определенной мере эта склонность обусловлена большей экономической независимостью друг от друга партнеров, не спешащих вступать в официальный брак.

Что же касается удовлетворенности отношениями, то супруги, как правило, демонстрируют гораздо большую вовлеченность в межличностную интеракцию, чем состоящие в гражданском браке. Социальные психологи определяют «вовлеченность» (удовлетворенность отношениями) как устойчивый баланс эмоционально-психологических «выгод» и «затрат», включая потерю тех или иных социальных ролей (например, профессионала высокого уровня для жены и матери). Эмпирические данные говорят о том, что партнеры – в отличие от супругов – склонны меньше задумываться о негативных психологических последствиях гипотетического разрыва отношений. В связи с этим автор предполагает, что более высокий уровень удовлетворенности отношениями (как «равноправными») в

браке – по сравнению с неофициальным союзом – способствует меньшей склонности супружов к депрессии и алкоголизму.

Свою заключительную гипотезу Маркуссен называет «альтернативной», поскольку она сводится к предположению, что разные уровни социально-психологического благополучия людей, состоящих соответственно в официальном и гражданском браке, объясняются «не социальной каузальностью, а социальной селекцией» (5, с. 243). Иначе говоря, индивиды впадают в депрессию и пьют горькую не потому, что их союз – неофициальный, а, напротив, предпочитают необременительные, но относительно стабильные (по сравнению со случайными связями) отношения, поскольку изначально страдали душевным незддоровьем (склонностью к депрессии и злоупотреблению алкоголем). Предпочитая сожительство браку, эти люди просто следуют выбору, продиктованному (в том числе) неблагополучием их внутреннего Я. Данная гипотеза пока не нашла явственного эмпирического подтверждения, замечает автор; тем не менее ее необходимо принять во внимание в качестве существенной детерминанты душевного здоровья в контексте брачных отношений.

Материалом для проверки гипотез К. Маркуссен послужили данные опросов, проводившихся в рамках упомянутого выше Национального проекта «Семья и брак в США» (1987–1988 гг. – 13 017 респондентов, 1992–1994 гг. – 10 005 респондентов первой волны). В рамках этих опросов супружеским парам и тем, кто сожительствовал вне брака, предлагались вопросы, которые в том числе касались частоты депрессивных состояний и употребления алкоголя. Поэтому данный материал мог послужить отправным пунктом для верификации гипотез Маркуссен.

В целом нашла подтверждение общая методологическая установка ее проекта, а именно – тезис о том, что «совокупный учет социоэкономических ресурсов, личностных психологических защитных механизмов и социально-психологических составляющих близких межличностных отношений способствует более глубокому пониманию специфики ментального здоровья партнеров, состоящих в официальном или свободном союзах» (5, с. 252). Был конкретизирован вывод социологов и демографов о преимуществах брака перед сожительством с точки зрения психологического самочувствия партнеров. В отличие от существующих исследований, которые просто констатируют важную роль социально-психологических ресур-

сов применительно к близким межличностным отношениям, в данной работе были продемонстрированы дифференцированное действие защитных механизмов личности в контексте брака и внебрачного союза и особенности функционирования этих механизмов в каждом из данных контекстов. Полученные результаты свидетельствуют, что частота депрессивных состояний у людей, являющихся супружами, ниже, чем у тех, кто не регистрировал свой союз. Что же касается злоупотребления алкоголем, то, как выяснилось, брачный статус не является здесь решающим фактором.

Данный проект, пишет в заключении своей статьи К. Маркуссен, позволил выявить проблемы, которые определят направление дальнейших исследований в сфере социальной психологии семьи и брака. Во-первых, предстоит выяснить, почему брачный статус (официальный / неофициальный союз) практически не влияет на самооценку партнеров – при том, что защитные ресурсы личности более эффективны в ситуации брака, чем внебрачного сожительства. Во-вторых, на фоне тенденции современного западного общества к росту популярности гражданских браков необходимо пересмотреть само содержание термина «сожительство», отказавшись от трактовки его как гомогенного, однозначного социально-психологического феномена. На повестке дня – выявление социальных, экономических, демографических, психологических параметров различных типов «сожительства» (неофициальный союз, гражданский брак, внебрачные отношения), анализ его возможных социальных функций (шаг к официальному браку, альтернатива браку как социальному нормативу, следствие психологической и социальной девиантности) и особенностей душевного здоровья партнеров в зависимости от причин их выбора в пользу неофициальных близких межличностных отношений.

Американки В. Кинг и М. Скотт, опираясь на те же данные Национального проекта по изучению семьи и брака в США, что и авторы упомянутых выше статей в «Social Psychology Quarterly», намерены «сопоставить отношения сожительства разных возрастных категорий» (4, с. 1). Тем самым они предполагают конкретизировать (на эмпирическом уровне) социальное и психологическое содержание понятия «сожительство», добавив к уже известным его параметрам возрастное измерение, т.е. делают шаг в направлении, предложенном К. Маркуссен. Правда, в отличие от работ Маркуссен, Стетса и Берка, данная статья носит скорее дескриптивный характер

и не затрагивает теоретических аспектов проблемы «брак или внебрачный союз». Ценность сопоставительного исследования Кинг и Скотт заключается в попытке привлечь внимание к изменению социально-психологических функций сожительства (как типа межличностных отношений) в зависимости от возрастной (и, в меньшей степени, когортной) принадлежности партнеров.

Называя распространение «паттерна сожительства вне брака» самой драматической особенностью динамики семейной жизни в XX в., Кинг и Скотт приводят статистические данные, свидетельствующие о возрастной дифференциации этого процесса. Между 1980 и 1990 гг. в США количество внебрачных союзов среди людей до 40 лет увеличилось вдвое, тогда как среди партнеров, перешагнувших 60-летний рубеж, их число утроилось; в 2000 г. в незарегистрированном браке состояли 1,2 млн. американцев старше 50 лет, 1,7 млн. – в возрасте 40–49 лет, более 2,6 млн. – 30–39 лет и почти 3,6 млн. не достигших 30 лет. По мере того как нынешние молодые люди, которые предпочли сожительство официальному союзу, будут переходить в следующие возрастные категории, тенденция к росту «внебрачных межличностных отношений интимного свойства» среди людей старшего возраста в США упрочится, считают авторы. «Вполне вероятно, – пишут в этой связи Кинг и Скотт, – что сожительство вне брака станет наиболее предпочтительной формой близких отношений среди пожилых» (4, с. 8). Учитывая наметившуюся перспективу, они считают необходимым обратить самое пристальное внимание на специфику неофициальных союзов среди людей старшего возраста и включить возрастной параметр в число индикаторов качества и устойчивости межличностных отношений партнеров, не состоящих в браке.

Фокусом своего исследования Кинг и Скотт считают возраст как фактор, влияющий на следующие аспекты отношений сожительства: качество и стабильность союза; его устойчивость перед лицом житейских невзгод; причины, обусловившие выбор внебрачных отношений; перспективы их официального оформления в дальнейшем.

Сожительство партнеров вне брака как социальный феномен стало предметом специального анализа только в конце 80-х годов прошлого века. В поле зрения исследователей в первую очередь попали его «внешние» характеристики – социальное значение (альтернатива официальному союзу или прелюдия к нему), влияние на про-

цессы рождения и воспитания детей. Только в последние годы обозначился интерес аналитиков к качественной специфике отношений между партнерами внутри внебрачного союза. При этом возрастная дифференциация социально-психологического климата, характерного для неофициальных отношений, все еще не принимается в расчет; еще менее исследованы внебрачные отношения людей старшего возраста. В опросах и интервью (включая общенациональный проект по семье и браку в США) практически не встречаются вопросы, касающиеся возрастной (и тем более когортной) специфики неофициальных союзов; вопросы же, актуальные для пожилых партнеров (пенсия, социальное обеспечение, взрослые дети, внуки, наследство и т.п.), отсутствуют вовсе. Одной из причин невнимания к неофициальным союзам пожилых автор считает опровергнутый, но не изживший себя стереотип, согласно которому «любовь – это забава молодых». По той же причине, вероятно, не исследован и возрастной аспект самого факта выбора в пользу неофициального союза (который оказывается предпочтительнее, чем брак, с одной стороны, и свидания от случая к случаю – с другой).

Несмотря на скучность наличного эмпирического материала, авторы формулируют ряд гипотез и пытаются верифицировать их, опираясь на данные Общенационального проекта по семье и браку, а также на результаты некоторых социально-психологических и социологических исследований жизненного цикла, возрастной психологии, брачного статуса и т.п. Кинг и Скотт предполагают, что: а) паттерны сожительства людей старшего возраста (по сравнению с поколениями 20-, 30- и 40-летних) отличаются более высоким уровнем стабильности и удовлетворенности отношениями; б) партнеры старшего возраста, не состоящие в браке, как правило, не имеют намерения пожениться; в) причины, побуждающие их вступить в неофициальный союз, отличаются от аналогичных мотивов более молодых людей. Помимо возраста, Кинг и Скотт учитывают в своем предварительном анализе такие социальные характеристики отношений сожительства, как пол, раса, образование партнеров, длительность их союза, наличие в доме детей, прежний опыт брака либо внебрачного сожительства.

Подводя итоги «первого опыта осмыслиения различий между возрастными категориями с точки зрения качества, значения и целей сожительства» (4, с. 10), авторы подчеркивают, что люди старшего возраста в целом демонстрируют большую удовлетворенность от-

ношениями такого рода, чем молодые партнеры. Их союзы отличает более высокая степень «супружеской верности» (как сексуального, так и психологического плана); они проводят больше времени tet-a-tet, реже конфликтуют, менее бурно выражают свои эмоции и меньше, чем молодые, беспокоятся о будущем. Однако, не собираясь расставаться, пожилые партнеры гораздо реже, чем молодые, предполагают вступить в брак. Тем не менее они чаще говорят о том, что счастливы («весьма», «очень», «чрезвычайно») в своем союзе.

Можно сделать вывод, пишут Кинг и Скотт, что люди пожилого возраста рассматривают сожительство как альтернативу браку (на фоне прежнего опыта брачной жизни, развода, вдовства, внебрачного сожительства); молодые же – как прелюдию к нему. Для партнеров старшего возраста их союз является удовлетворительным способом психологической, экономической, сексуальной организации жизни «здесь и теперь», для молодых это чаще всего «пробный брак», практическая оценка совместимости в повседневной жизненной рутине. Пожилые люди не желают брака вследствие прежнего жизненного опыта (не обязательно негативного), они оберегают вновь обретенную свободу (вследствие развода, вдовства, разрыва прежних отношений, прекращения обязательств перед выросшими детьми) и дорожат своей независимостью. Молодые люди посредством сожительства нередко стремятся выяснить «степень риска», которым чревато семейное будущее. Кроме того, люди старшего возраста имеют возможность строить более гармоничные отношения с партнером, так как для них остались в прошлом многие проблемы молодости (сочетание карьеры и семейных обязанностей, рождение и воспитание детей).

Таким образом, пишут в заключение Кинг и Скотт, «выявленные различия между молодыми людьми и людьми старшего возраста применительно к отношениям сожительства являются следствием нелинейной комбинации таких факторов, как возраст и возрастной жизненный опыт, а также – результатом когортных особенностей» (4, с. 25), т.е. специфики социально-исторических и социально-психологических условий жизни конкретных поколений. Последний аспект проблемы требует особенного внимания. В связи с этим вполне вероятно, что грядущее поколение пожилых американцев (практикующих сегодня внебрачное сожительство) будет демонстрировать меньшую (или качественно иную) удовлетворенность отношениями вне брака, чем их нынешние отцы и деды. В дальнейших

исследованиях необходимо также учитывать, что молодые и пожилые респонденты, отвечая на вопросы, могут использовать совершенно различные критерии оценки своих партнерских отношений, опираясь на свой жизненный опыт и опыт своего поколения.

Главным итогом своей работы Кинг и Скотт считают доказательство того факта, что нынешнее представление о феномене сожительства, его социальном значении и функциях не может безоговорочно применяться для осмыслиения внебрачных союзов людей старшего возраста.

Ш. Берд и А. Каст из университета Айовы (США) анализируют психологические аспекты гендерного разделения труда в молодых семьях (первый-второй годы супружества) (1). Авторов интересуют взаимосвязь и взаимовлияние таких факторов, как участие каждого из молодых работающих супружеских в домашнем хозяйстве и их способность «принять на себя роль другого» (увидеть мир глазами своего брачного партнера, проникнуться его проблемами, понять его мысли, чувства и т.п.). При этом во главу угла ставится вопрос о том, как «участие каждого из супружеских в ненормативных сферах труда оказывается на его / ее восприятии собственной способности понять своего vis-à-vis» (1, с. 143). Под трудом в ненормативных сферах Берд и Каст подразумевают нарушение гендерных стереотипов разделения труда на «женский» (домашнее хозяйство) и «мужской» (работа по найму вне дома), т.е. участие мужа в работе по дому, а жены – в оплачиваемой сфере общественно полезного труда. Задача исследователей из Айовы состоит, таким образом, в том, чтобы выяснить, как распределение домашних обязанностей между работающими супружескими трансформирует их способность «встать на точку зрения другого». При этом авторы предполагают идентифицировать не столько саму предрасположенность к принятию на себя роли другого в браке, сколько восприятие этой способности и ее изменения каждым из супружеских на протяжении первых лет совместной жизни.

«Принятие на себя роли другого» (role-taking) – одно из классических понятий символического интеракционизма. Оно было введено в научный обиход еще Дж.Г. Мидом и с тех пор не раз подвергалось теоретическому и эмпирическому обоснованию: психологи изучали мотивацию такого поведения и степень предрасположенности к нему разных индивидов; социологов больше интересовала связь статусных характеристик личности и ее готовности

«поставить себя на место другого». Новизну своей интерпретации данного феномена Берд и Каст связывают, во-первых, с иным методологическим подходом (изучение временной динамики навыков *role-taking* и восприятия своей предрасположенности к такому поведению) и, во-вторых, с нетривиальностью объекта исследования (молодые люди, вынуждаемые обстоятельствами брака переосмыслить свои прежние представления о гендерном разделении труда и подвергнуть серьезному испытанию свою самооценку как человека, готового «встать на место другого»).

«Мы исследуем, – пишут авторы, – как совместный жизненный опыт, опосредованный вторжением в мир другого… участием в делах и заботах, которые обычно ассоциируются с иной категорией людей… оказывается на восприятии индивидом своей способности понять другого (1, с. 143–144). С этой точки зрения, первые годы брака как период радикальной трансформации жизненного курса личности предоставляет исследователю уникальную возможность проследить на практике динамику индивидуальной перцепции самого себя и близкого другого, способствующую / препятствующую взаимопониманию между супругами, заключают Берд и Каст.

Основываясь на имеющихся исследованиях феномена *role-taking*, социологи из Айовы выдвигают несколько гипотез относительно специфики гендерного «понимания» в браке и подвергают их эмпирической верификации.

«Принятие на себя роли другого, – подчеркивал Дж.Г. Мид, – это всегда “социальный акт”, в котором индивид конструирует в своем воображении перспективы других участников интеракции, а затем на базе этой конструкции вырабатывает план ответных действий» (1, с. 145). *Role-taking* – это «рефлексивное адаптивное поведение», выстраиваемое как ответ на воображаемую точку зрения своего *vis-à-vis*; поэтому принятие роли другого рассматривается в контексте символического интеракционизма как взаимный процесс, основанный на общей для участников взаимодействия системе значений. Как свидетельствуют эмпирические наблюдения, люди в разной степени одарены способностью к адекватному акту *role-taking* и разной степенью готовности «встать на место другого». При этом индивиды, обладающие более высоким социальным статусом, не слишком склонны ставить себя на место кого-либо, и наоборот.

Эти обстоятельства, по мнению ряда исследователей, объясняют тот эмпирически зафиксированный факт, что женщины – в ка-

честве субъектов role-taking – более адекватны и эффективны, чем мужчины: они чаще и охотнее «встают на точку зрения другого» и более аккуратны в воображаемой реконструкции его перспективы. «Более низкий гендерный статус женщины в обществе, – поясняют свою мысль Берд и Каст, – вынуждает ее к особенно чуткому отношению к мужским заботам и мужскому взгляду на мир, и наоборот» (1, с. 145). Основываясь на этих наблюдениях, они выдвигают свою первую гипотезу: в контексте брака жены в большей степени, чем мужья, склонны ставить себя на место супруга и чаще воспринимают себя как адекватных субъектов role-taking.

Далее, как утверждал Мид, способность принять на себя роль другого (увидеть мир его глазами), заложенная в человеке в виде физиологического потенциала, нуждается в социальном воспитании. В ходе интеракций индивид вырабатывает представление об обобщенном другом (абстрактный образ общества, в котором он живет), а затем – специфических других, с которыми он вступает в контакт. При этом акт role-taking предполагает наличие у участников взаимодействия «общего дискурсивного универсума»: чем ближе они друг к другу с точки зрения их опыта (непосредственно либо обусловленного принадлежностью к одной и той же социальной категории), тем более они способны понять и принять перспективы друг друга. В современном западном обществе социальный опыт мужчин и женщин имеет тенденцию к неуклонному сближению, несмотря на устойчивость традиционных стереотипов гендерного разделения труда. В связи с этим, пишут Берд и Каст, логично предположить, что супругам будет тем легче понять друг друга, чем чаще будут пересекаться их типы повседневной деятельности. Поэтому вторая гипотеза авторов сводится к следующему (достаточно очевидному) положению: чем больше муж занимается домашним хозяйством, тем скорее (и лучше) он сможет «понять жену» и оценить себя как чуткого спутника жизни, и наоборот – участие в оплачиваемой общественно полезной сфере деятельности (вне дома) помогает жене проникнуться заботами мужа и понять его жизненную перспективу.

Последняя гипотеза социологов из Айовы связана с влиянием на взаимопонимание между супругами их гендерной идеологии (т.е. представлений о «надлежащем» поведении и «социальном назначении» мужчины и женщины). Исследователи различают два основных типа такой идеологии: традиционный, поддерживающий сте-

реотип строго разделения труда на мужской и женский (муж – кормилец семьи, жена – хранительница домашнего очага), и эгалитарный, предписывающий супругам равную долю ответственности за материальное благосостояние семьи и организацию ее быта. По мнению Берд и Каст, гендерная идеология опосредованно влияет на готовность мужа / жены принять к сведению, обдумать и использовать в ответном поведении ту информацию, которую он / она получили, занимаясь «трудом в ненормативных сферах».

Хотя эмпирического подтверждения этому пока не найдено, авторы считают себя вправе предположить, что традиционные гендерные стереотипы отнюдь не способствуют готовности мужа / жены принять на себя «несвойственную полу» социальную роль и ответственную жизненную перспективу – даже в тех случаях, когда обстоятельства вынуждают их поменяться местами. Поэтому третья гипотеза, подлежащая проверке в статье Берд и Каст, связана с положением о том, что влияние ненормативных видов деятельности на способность принять точку зрения своего брачного партнера (и восприятие / осознание у себя этой способности) будет более ощущимым для супружеских пар, придерживающихся эгалитарных взглядов на гендерные роли, чем для семей традиционной ориентации.

Эмпирической базой исследования Берд и Каст послужили данные серии опросов, проводившихся среди молодоженов штата Вашингтон в 1991 и 1992 гг. Из 574 пар, составлявших первоначальную выборку (старше 18 лет, первый брак, без детей), в опросах согласились участвовать 313. По истечении двух лет 60 пар уже имели ребенка и выбыли из проекта (авторы сочли, что рождение ребенка столь кардинально меняет отношения супругов и распределение домашних обязанностей, что заслуживает отдельного исследования). В итоговом анализе учитывались результаты интервью и дневниковые записи 111 пар. Опросы проводились в три этапа (по 90 минут каждое) и дополнялись видеозаписями дискуссий супружеских пар по поводу гендерного разделения труда в семье.

Измерению подлежали следующие параметры взаимопонимания в браке:

а) восприятие собственной способности к role-taking (респондентам предлагались на выбор следующие утверждения: «мне трудно встать на точку зрения моего супруга»; «я прекрасно понимаю чувства моей жены / мужа»; «мой партнер делает такое, чего я никак не могу понять»);

- б) участие в работе по дому (дневниковые записи, фиксирующие время, которое было потрачено на покупки, приготовление пищи, уборку и т.п.);
- в) участие в оплачиваемом общественно полезном труде вне дома (сколько часов в неделю);
- г) гендерная идеология (респондентам предлагались на выбор следующие утверждения: «женщине следует меньше заботиться о своих правах и больше – о том, чтобы быть хорошей женой и матерью»; «женщина должна иметь равные с мужчиной фактические права играть первую скрипку в профессии»; «образование сыновей имеет большее значение, чем образование дочерей»).

При обработке полученных данных учитывались также доход, образовательный уровень и профессиональный статус респондентов. Итоговый анализ позволил социологам из Айовы сделать вывод о справедливости выдвинутых ими гипотез. Как и предполагалось, восприятие себя в качестве индивида, способного к «принятию роли другого» – в условиях и обстоятельствах, обычно ассоциирующихся с функциями противоположного пола, – оказалось более развитым у жен, нежели у мужей. Уровень данной перцепции, как и ожидалось, зависел от степени вовлеченности каждого из супружей в «ненормативные сферы труда», однако в значительной мере он определялся исходной гендерной идеологией супружеской пары. Большую способность и готовность к обмену гендерными ролями (и более адекватное восприятие себя в качестве субъектов таких обменов) демонстрировали брачные партнеры эгалитарной ориентации. В тех семьях, где господствовали традиционные представления о гендерных ролях, восприятие супругами себя в качестве индивидов, способных встать на место друг друга, практически не менялось в ответ на участие мужа / жены в «неадекватном полу» виде деятельности.

Данное эмпирическое исследование, пишут Берд и Каст, позволило также выявить следующие особенности динамики взаимопонимания у молодоженов с эгалитарными гендерными установками: чем больше муж участвовал в домашнем труде, а жена – в общественно полезном, тем выше оказывалась их самооценка в качестве субъектов, способных «встать на точку зрения другого». Это обстоятельство, в свою очередь, способствовало увеличению времени, которое каждый из супружей затрачивал на «труд в ненормативных сферах». Таким образом, эгалитарная идеология поддержи-

вала внутрисемейный обмен гендерными ролями, повышая степень взаимопонимания между мужем и женой. Следовательно, психологическому сближению молодоженов способствуют два фактора – участие в ненормативных видах деятельности и эгалитарная гендерная идеология, подчеркивают авторы.

Вместе с тем, замечают Берд и Каст, полученные результаты требуют «весьма осторожной интерпретации» (1, с. 154). Во-первых, идентификации и измерению подлежала не сама индивидуальная способность к role-taking, а ее субъективное восприятие и самооценка. Как свидетельствуют имеющиеся исследования, муж и жена не всегда адекватны в оценке подобных перцепций. Мужчины часто преувеличивают свою роль в организации семейного быта, неосознанно воспроизводя тот образ, который, как им кажется, желателен для жены. Женам свойственна переоценка своей способности к эмоциональному участию в жизни мужа вследствие социального стереотипа, рисующего женщину как более «чуткое» существо, всегда откликающееся на чужую беду. Кроме того, мужчины эгалитарной ориентации и женщины с традиционными установками склонны преувеличивать степень своей вовлеченности в домашнее хозяйство, стремясь соответствовать избранной ими гендерной идеологии.

Существенным результатом своей работы Берд и Каст считают выявленную ими в ходе опросов несколько неожиданную тенденцию, требующую дальнейшего изучения, а именно: в молодых семьях эгалитарной ориентации жены, совмещающие работу в офисе с домашним хозяйством, по прошествии некоторого времени все больше внимания уделяли именно дому, сокращая (по возможности) рабочие часы вне дома. Тем самым, как считают авторы, «увеличивается зависимость женщин от их жизненных спутников» – даже при условии, что последние уделяют домашним заботам гораздо больше времени, чем мужчины с традиционной гендерной идеологией. В связи с этим, пишут социологи из Айовы, необходимо «продолжать изучение переговорного процесса и внутрисемейных компромиссов между супружами, которые стремятся достигнуть равновесия между работой и семейной жизнью» (1, с. 155).

Тему гендерного разделения труда в семейном контексте продолжает эмпирическое исследование Б. Фокс (университет Торонто, Канада), где предпринята попытка «проследить влияние впервые приобретаемого статуса родителя на углубление гендерного неравенства» в обществе (3, с. 30). Автор стремится выяснить,

каким образом новые функции супружеских, ставших родителями в первый раз, изменяют их взаимоотношения, как они формируют идентичность матери / отца, влияют на внутрисемейный климат и распределение домашних обязанностей, как трансформируют внешние (социальные) связи и гендерную идентичность женщины (матери) и мужчины (отца).

Анализ собранного ю эмпирического материала канадская исследовательница предваряет обзором существующей социологической и социально-психологической литературы, где так или иначе рассматривается проблема гендера и родительского статуса. Уже в 80-е годы прошлого столетия, пишет Фокс, гендерные исследования претерпели существенные теоретические и методологические изменения. Социальные аналитики (автор имеет в виду прежде всего социологов феминистской ориентации) отказались от традиционного объяснения гендерных различий исключительно воздействием внутрисемейной социализации. Фокусом анализа становятся теперь социоструктурные факторы, обусловленные в конечном счете гендерным разделением оплачиваемого и неоплачиваемого труда (профессиональный «общественно полезный» труд, с одной стороны, и ведение домашнего хозяйства и воспитание детей – с другой). Кроме того, в центре внимания аналитиков на рубеже XX–XXI вв. оказались повседневные социальные практики и интеракции, которые «ежеминутно и ежечасно, изо дня в день создают гендер» (3, с. 30). Таким образом, если изначально средоточием гендерных исследований служила семья, то сегодня во главу угла ставятся принятые в обществе «дискурсивные практики, созидающие гендерную идентичность». Однако вопрос о том, как приобретение статуса матери / отца оказывается на социальной идентичности индивида и способствует сохранению существующей в обществе асимметрии полов, до сих пор почти не обсуждался в специальной литературе. Автор намерена в первом приближении восполнить этот пробел на материале канадского общества рубежа 80–90-х годов прошлого столетия.

С точки зрения Фокс, в основе гендерного неравенства, подкрепленного современным западным имиджем каждого из родителей, лежат конкретные социальные факторы, в первую очередь – традиционное разделение труда (включая обязанности по дому), которое «закрепляет подчиненное положение женщины», а также «социально доминирующий образ материнства как частной ответственности

женщины за жизнь и судьбу ребенка, сопряженной с крайне высокими требованиями, ожиданиями и эмоциональным и физическим напряжением, опасными для ее здоровья» (3, с. 31). Перечисленные причины, по мнению автора, служат достаточным основанием для того, чтобы рассматривать материинство в качестве одного из наиболее «гендерно окрашенных» аспектов жизни женщины.

Основной массив существующих исследований, посвященных процессу приобретения родительского статуса как «ключевого фактора гендерного разделения гетеросексуальных пар» (3, с. 32), следует отнести к жанру социального конструкционизма, отмечает Фокс. С этих теоретических позиций (которые она вполне разделяет) феномен гендера принадлежит повседневным социальным практикам; эти практики конституируют гендерные значения и смыслы, т.е. формируют гендерную идентичность и специфику, в том числе – социальные образы материинства и отцовства. Другими словами, гендер рассматривается как постоянная деятельность, включенная в повседневные социальные интеракции.

Несмотря на плодотворность данного подхода в целом, его недостатком, с точки зрения канадской исследовательницы, является невнимание к социальным отношениям, которые, собственно, и проявляются в повседневном дискурсе, образуя фундамент социально принятых значений материинства и отцовства. Сосредотачиваясь на дискурсивном созидании статуса родителей в ходе обыденных интеракций супружов (т.е. во внутрисемейном переговорном контексте), конструкционисты невольно признают только один способ «осуществления гендера», а именно тот, который совпадает с культурным имиджем «хорошего материинства» и «надлежащего отцовства» и означает с позиций феминистской социологии воспроизведение наличного гендерного неравенства. Поэтому в своем эмпирическом исследовании, осуществленном в рамках конструкционизма, Фокс сосредоточилась не столько на дискурсивном формировании гендера и его значений, сколько на детерминированных обществом отношениях супружов, впервые ставших родителями. Она разделяет убеждение конструкционистов в том, что уход за новорожденным и выполнение прочих функций вновь испеченного родителя – это предмет переговорного процесса между супружами, в контексте которого кристаллизуется идентичность женщины как матери и мужчины как отца. Этот процесс может включать в себя не только обсуждение гендерных ролей каждого из родителей, но и противоречия и конфликты, кото-

рые дают толчок к формированию иной (отличной от социально доминирующей) гендерной идентичности и к пересмотру стереотипов гендерного разделения труда. Таким образом, конструкционистский подход будет дополнен анализом социальных отношений власти и контроля, что отвечает задачам феминистской социальной науки.

Эмпирической базой работы Б. Фокс стала серия глубинных интервью с 40 гетеросексуальными парами, жителями Торонто, ожидающими первенца. Девять супружеских пар принадлежали к классу рабочих, остальные – к среднему классу; две пары были иммигрантами, две женщины и двое мужчин были афроканадцами, состоявшими в браке с белыми. Все женщины, участвовавшие в опросах, рожали в больнице, 24 из них вернулись к своим профессиональным занятиям по окончании декретного отпуска (через шесть месяцев). Женщины и мужчины отвечали на вопросы интервьюеров по отдельности, опросы проводились во время беременности, вскоре после родов, через два месяца и через год после рождения ребенка. Помимо ответов на вопросы структурированного интервью молодые отцы и матери охотно делились своими впечатлениями и соображениями о жизни молодых родителей.

Анализируя собранный материал, Фокс выделяет четыре главных аспекта проблемы «гендер и статус родителя»:

- а) формирование идентичности женщины-матери (мужчины-отца) и личного «образа материнства»;
- б) гендерный баланс домашних обязанностей;
- в) семья как жизненный фокус супругов, ставших родителями;
- г) отношения дочери, ставшей матерью, с собственной матерью в роли бабушки.

Несмотря на то что СМИ пропагандируют роль «экспертов» и государственных учреждений в деле воспитания детей, пишет автор, уход за новорожденным и его дошкольная социализация по-прежнему остаются прерогативой родителей. Женщина, впервые ставшая матерью, уже в первые часы после рождения ребенка ощущает на себе всю полноту ответственности за его здоровье и жизнь. В первые недели материнства она на практике вырабатывает свое понимание (определение) этого феномена, его «границы», функции и обязанности. Как показали результаты опросов, выработка такого определения всегда является результатом внутрисемейного диалога мужа (отца) и жены (матери): чтобы целиком и полностью посвятить себя ребенку, женщина вынуждена заручить-

ся согласием и одобрением (поддержкой) своего супруга. Если подавляющее большинство женщин демонстрировали безоговорочное согласие на «всепоглощающее материнство» (т.е. посвящение себя нуждам ребенка 24 часа в сутки), то мужчины имели право выбора или возможность принять / не принять новый расклад внутрисемейных приоритетов и реорганизацию всего прежнего уклада домашней жизни. Большинство респондентов-отцов были готовы «уступить свое место новорожденному» и подчинить свой образ жизни новым требованиям. Такие отцы охотно делили с матерью обязанности по уходу за младенцем.

Вместе с тем опросы показали, что при самых идеальных семейных отношениях женщина, ставшая матерью, ощущала себя более зависимой от своего партнера по браку, чем раньше. При этом респондентки говорили не столько о материальной (экономической) зависимости, сколько о своей потребности в моральной, эмоциональной и чисто физической поддержке со стороны мужа, согласившегося «помогать жене быть матерью» («без него я бы не справилась», «я бы не могла всю себя отдавать ребенку, если бы не муж»). Другими словами, резюмирует свои наблюдения Фокс, «погружение в материнство» и формирование его личного «образа» опосредуются внутрисемейным переговорным процессом (согласием / несогласием мужа участвовать – в качестве отца – в формировании идентичности жены в качестве матери), что усиливает зависимость женщины от ее брачного партнера или впервые формирует такую зависимость.

С рождением ребенка, продолжает автор, женщина становится «более домашней»: она не только проводит большую часть времени дома, но и изменяет свое отношение к домашнему труду. В результате происходит перераспределение обязанностей по дому между супругами – оно становится более традиционным даже в тех случаях, когда прежнее распределение домашних дел между мужем и женой было более или менее «равноправным». Такие изменения зафиксировали 25 из 40 опрошенных пар; для пяти традиционное гендерное распределение бытовых забот было характерно и до рождения ребенка; пять пар восстановили прежнее относительно равноправное разделение обязанностей после того, как жена вернулась на работу; еще для пять пар разделение домашнего труда после рождения ребенка приняло (и сохранило в дальнейшем) «более справедливый характер». При этом большинство опрошенных

женщин не чувствовали себя «ущемленными» из-за того, что груз домашних забот почти полностью переместился на их плечи; тем не менее 15 из 40 пар чаще всего ссорились именно из-за того, кому и когда выполнять ту или иную работу по дому.

Одной из причин такого перераспределения домашних обязанностей после рождения первенца Фокс считает требования символического (социально принятого) образа «хорошей матери»: она заботится о порядке и чистоте в доме ради здоровья и безопасности ребенка. Кроме того, многие женщины заявляли о том, что они рады заняться домашними делами в то время, когда муж занят ребенком, предоставляя жене тайм-аут в беспрестанных материнских обязанностях. Таким образом, пишет Фокс, «парадоксальность ситуации состоит в том, что возврат к традиционному разделению домашнего труда является оборотной стороной стремления женщины-матери побудить мужа к выполнению своих отцовских обязанностей» (3, с. 36).

Для большинства опрошенных пар, продолжает Фокс, приобретение супругами статуса родителей означало «превращение брачного союза в полноценную семью» (3, с. 36). 25 пар заявили, что теперь почти все свободное время проводят дома; другие отмечали, что с рождением первенца дом стал для них «центром мироздания», а друзья и знакомые «отступили на второй план». Эти перемены в большей степени коснулись женщин, которые, за редким исключением, оказались выключенными из прежних социальных связей. Особенности положения молодых мам по сравнению с отцами выражались в том, что они «оказались погруженными в гендерно окрашенную ситуацию: круг их общения ограничивался женщинами с детьми, в крайнем случае – семейными парами, имеющими ребенка». Некоторые молодые мамы общались только с такими же недавно родившими женщинами и почти ничего не знали о своих новых подругах, за исключением их опыта ухода за детьми.

Как отцы, так и матери новорожденных отмечали, что их контакты с родственниками стали более тесными, в особенности – контакты молодых матерей с их собственными матерями. Как это ни парадоксально, пишет Фокс, помочь бабушки-тещи в большинстве случаев способствовала сохранению и даже усугублению гендерного разделения домашних обязанностей: помогая дочери, теща «изгоняла» зятя из сферы домашнего хозяйства и ухода за младенцем, невольно восстанавливая традиционное распределение труда в семье.

Подводя итоги своего эмпирического исследования, Фокс заключает, что приобретение родительского статуса усугубляет гендерное неравенство, усиливает зависимость женщины от брачного партнера и восстанавливает традиционное разделение труда между мужем и женой. С ее точки зрения, все эти перемены не являются «неизбежным злом», а только – следствием принятого сегодня в западном обществе «образа материнства». Выход из этого положения видится автору на путях расширения социальной и государственной помощи семье в целом, что позволит женщине преодолеть ситуацию «гендерной детерминации материнства».

Д. Карр (социологический факультет университета Рутджерс, Нью-Джерси, США) анализирует данные эмпирических исследований самооценки у женщин, которые достигли совершеннолетия в 50-е годы прошлого столетия (2). Поскольку гендерные стереотипы и культурные идеалы претерпели существенные изменения в последние десятилетия XX в., автор предполагает, что «женщины 50-х», которые по преимуществу посвятили себя семье, должны сегодня испытывать психологический дискомфорт, сравнивая свой жизненный путь с судьбами «женщин 70-х» (в частности, со своими взрослыми дочерьми, которые стремятся сочетать семью и карьеру). Карр последовательно рассматривает следующие аспекты проблемы самооценки «женщин 50-х»: она, во-первых, стремится выявить личностные характеристики матерей, сравнивающих свою судьбу с судьбой дочерей и делающих вывод в пользу / не в пользу собственного выбора жизненного пути; во-вторых, исследует воздействие подобных сравнений на самооценку матерей; в-третьих, анализирует те объяснения, которые дают матери, рассуждая о причинах различия (реже – сходства) женских судеб поколений 50-х и 70-х.

Эмпирическим материалом для обобщения и выводов автора послужили данные, собранные в процессе лонгитюдного исследования, которое проводилось социологами Висконсинского университета в 50–90-х годах. В ходе этого исследования были опрошены 10 317 мужчин и женщин (Карр использовала только те материалы, которые касались женщин, имеющих дочерей, – всего 489 человек); первая серия интервью была проведена в 1957 г., в год окончания респондентами средней школы, вторая – в 1975 г. (36 лет), третья – в 1992–1993 гг. (54 года). В последней серии интервью (телефонный опрос) 80% опрошенных были предложены ретроспективные вопросы; 50% предлагалось сравнить свой жизненный

путь с судьбой кого-либо из взрослых детей. Выборка висконсинских социологов, по мнению Карр, не является репрезентативной для населения США в целом, она отражает лицо белого англоязычного большинства, получившего хотя бы среднее образование.

Теоретическим основанием исследования автора явилась теория социального сравнения Л. Фестингера (с учетом поправок, внесенных последующим поколением социальных психологов). Социальное сравнение, т.е. сопоставление себя со значимыми другими, является, как известно, мощным фактором формирования самооценки, особенно в неустойчивых или «революционных» социальных контекстах (например, в период ломки старых культурных стереотипов, как было в годы «студенческой революции» конца 60-х). Итоговая самооценка детерминирует психологическое и эмоциональное самочувствие индивида. При этом «восходящее» сравнение (т.е. сопоставление себя с более успешным – по тем или иным параметрам – индивидом) приводит к снижению субъективной самооценки, «нисходящее» сравнение – к ее повышению. Новейшие эмпирические данные, однако, заставляют говорить о более сложной динамике самооценки как следствия социального сравнения, считает Карр. Так, негативное самочувствие (низкая самооценка) может оказаться не следствием, а причиной «восходящего» сравнения, равно как и стимулом для личностного роста.

На психологические последствия акта социального сравнения влияют также личностные характеристики субъекта сравнения и ситуационные факторы (так, эффект сравнения наиболее заметен тогда, когда область сравнения приобретает для его субъекта особое значение, как в случае отношений матери и дочери). Негативные результаты сравнения не снижают самооценки субъекта и в том случае, когда он считает жизненный успех значимого другого частично своей собственной заслугой (воспитание дочери матерью) и, так сказать, греется в лучах его славы. Наконец, социальное сравнение может выступать своего рода стратегией личностного психологического самоусиления. Исследователи выделяют сегодня четыре способа подобного самоусиления: выбор объекта сравнения (как правило, человека менее успешного, чем я сам, что помогает улучшить мое психологическое самочувствие); выбор области сравнения (преимущественно той, в которой я выгляжу лучше, чем тот, с кем я себя сравниваю); выбор самозащитной каузальной атрибуции (т.е. попытка повернуть обстоятельства в свою пользу, например, путем

утверждения, что я преуспел бы не меньше, если бы мне были предоставлены такие же возможности, как объекту моего сравнения); неадекватное толкование «социального консенсуса», или возрастной (когортной) идентичности (уверенность в том, что мое поведение вполне соответствовало прошлым нормам и социальным представлениям, что именно так поступали мои сверстники).

Все перечисленные стратегии достаточно ярко проявились в поведении и эмоциональных реакциях респонденток, опрошенных висконсинскими социологами, подчеркивает Карр. Более того, именно эти (выявленные автором данной статьи) стратегии позволяют сделать некоторые выводы, которые существенно меняют прежние представления о психологических следствиях социального сравнения.

Карр использовала как количественные, так и качественные данные, собранные ее коллегами в ходе лонгитюдного исследования; первые послужили основой для идентификации психологических предпосылок и следствий социального сравнения матерей (50-е годы) и дочерей (70-е); вторые позволили дать содержательный анализ интерпретации матерями причин расхождения (реже – совпадения) жизненных путей женщин двух поколений. Главную же задачу своего исследования Карр видела в том, чтобы выяснить характер влияния социального сравнения «мать / дочь» на самооценку и психологическое самочувствие «женщин 50-х».

Анализ количественных (статистических) данных, собранных социологами Висконсинского университета, позволил автору сделать следующий принципиальный вывод (расходящийся с принятым сегодня положением теории социального сравнения), а именно: опыт «восходящих» сравнений у матерей 50-х годов практически не влиял на уровень их самооценки. В качестве объяснения обнаруженного парадоксального факта Карр ссылается на упомянутые выше стратегии психологического самоусиления, действия которых в данном случае она считает очевидным.

Прежде всего, матери в большинстве своем были склонны рассматривать свой жизненный путь (семья и дети) как «принятый», «само собой разумевшийся» во времена их молодости (тогда как «сейчас все обстоит иначе»), т.е. оправдывали свой выбор образа жизни ссылкой на социальный стереотип или когортно-взрастную норму. Далее, они акцентировали тот факт, что дочери имели возможность «выбирать свой путь», тогда как их матери являлись жерт-

вами семейных традиций, запретов и авторитетов (в других обстоятельствах, возможно, и они предпочли бы колледж раннему браку). Матери объясняли успехи дочерей ссылками на их личностные качества (целеустремленность, работоспособность, упорство, воля, тогда как они – как личности – были иными). Наконец, матери «защищали» свое психологическое самочувствие и позитивную самооценку уверенностью в том, что профессиональные успехи и социальное признание женщины имеют и свою оборотную сторону, – конфликты в семье, развод, неполная семья, стрессы и одиночество, тогда как они в качестве «компенсации» своей социальной невостребованности имели покой и личное счастье.

Примечательно, что сравнение этих субъективных интерпретаций жизненного пути с объективными статистическими данными показывает, что женщины 50-х, достигшие 50-летнего возрастного рубежа, в своих ретроспективных ответах были склонны преувеличивать степень распространенности и общезначимости тех поведенческих и жизненных норм, которые они избрали для себя. Так, по данным Висконсинского лонгитюдного исследования, в 1957 г. только 25% респонденток вступили в брак в первые два года по окончании средней школы, а 1/3 продолжила обучение в колледже и позднее выбрала для себя путь сочетания семьи и карьеры, который 20 лет спустя стал преобладающим. «Мой анализ показывает, – заключает Карр, – что исторический контекст и когортная идентичность – особенно в период быстрых социальных изменений – могут стать дополнительными факторами, формирующими нарративы зрелого индивида относительно его раннего опыта и достижений на жизненном пути» (2, с. 147).

Е.В. Якимова